

Мишель Моран

Последняя принцесса Индии

Мишель Моран

Последняя принцесса Индии

Ее дневники, похожие на умирающих мотыльков, в последний раз раскроют свои страницы и расскажут одну необыкновенную историю...

Индия. Страна несметных сокровищ и пряностей, ярких сари и живописных обычаев, она была так немилостива к женщинам... Простая сельская девочка Сита, спасая от бедности свою семью, становится отважной телохранительницей юной принцессы Лакшми Баи. А сама принцесса Индии, потеряв последнюю надежду на мир и веру в мудрость мужчин, возглавит восстание сипаев. Рожденная для неги и роскоши, она станет живой богиней мести, предводительницей войны за независимость от Британской империи...

Как только рассвело, у ворот дворца послышался шум. Мы бросились к окну и увидели двух мужчин, идущих по двору мимо солдат. Они выкрикивали имя нашей госпожи.

— Рани Лакшми Баи! — кричал один из них...

Никто из них не был вооружен, но при этом они были настроены весьма решительно. Рани поспешила к окну. Увидев ее, мужчины ожесточенно замахали руками.

— Ваше Высочество, вам следует отойти от окна, — обратилась я к госпоже.

— Нет. Надо с ними поговорить... Что вам надо? — крикнула она мужчинам.

— Мы хотим знать, на чьей вы стороне! Вы за британцев или за нас?

Ответ ее был весьма мудрым:

— Я за справедливость, за мой народ, моего сына и мое княжество!

www.ksdbook.ru

www.bookclub.ua

ISBN 978-5-9910-3718-1



9 785991 037181

ISBN 978-617-12-1541-2



9 786171 1215412



КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА







Мишель Моран

Последняя
принцесса
Индии

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
БЕЛГОРОД СЕМЕЙНОГО
2016  ДОСУГА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)
М79



Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Публикуется при содействии
Writers House LLC и Synopsis Literary Agency

Переведено по изданию:
Moran M. Rebel Queen : A Novel / Michelle Moran. —
New York : Simon & Schuster, 2015. — 368 p.

Перевод с английского *Олега Буйвола*

Дизайнер обложки *Наталья Острогорская*
Шрифтовое оформление обложки *Сергея Ткачева*

ISBN 978-617-12-1541-2 (Украина)
ISBN 978-5-9910-3718-1 (Россия)
ISBN 978-1-4767-1635-0 (англ.)

- © Michelle Moran, 2015
- © Shutterstock.com / saiko3p,
Valua Vitaly, обложка, 2016
- © Hemiro Ltd, издание на рус-
ском языке, 2016
- © Книжный Клуб «Клуб Се-
мейного Досуга», перевод
и художественное оформ-
ление, 2016
- © ООО «Книжный клуб «Клуб
семейного досуга»», г. Белго-
род, 2016

*Посвящаю эту книгу моему мужу
Амиту Кушваха и нашему сыну Лиаму*

От автора



Ради того, чтобы сделать Индию XIX века более понятной для читателей XXI века, я внесла кое-какие изменения в рассказ Ситы. Например, я то и дело употребляла в книге название «Индия», хотя страна Индия в том виде, как мы ее знаем, возникла лишь в 1947 году. Индуизм также является анахронизмом. «Изм» прибавили европейцы, ошибочно полагая, что индуизм — религия. Индуизм — больше чем религия, это способ жизни. Термин «хинди» происходит от Синдху¹, названия реки, поэтому первоначально не имел никакого отношения к религии. Даже атеист может быть хинди.

Я внесла и другие изменения в исторические записи. Желая придерживаться современного написания, я изменила названия нескольких городов. Так, Каши стал Варанаси, а Канхатур — Канпуром.

А еще мною было сокращено или вообще упразднено титрование некоторых именитых и могущественных людей. Так, раджа Гангадар Рао стал просто раджей Гангадар, а рани Лакшми Баи — рани Лакшми.

¹ Синдху — название реки Инд на санскрите. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

Каждый англичанин рожден обладателем некой волшебной силы, которая делает его хозяином мира. Когда он чего-нибудь хочет, он не признается даже самому себе, что ему чего-то захотелось. Вместо этого он терпеливо ждет, пока не проникнется твердой уверенностью, что имеет моральное право, что это его религиозный долг — завоевать того, у кого есть заинтересовавшая его вещь. Как англичанину удастся убедить себя в этом, ему непостижимо.

*Джордж Бернард Шоу*¹

¹ Джордж Бернард Шоу (1856—1950) — английский драматург и романист ирландского происхождения, лауреат Нобелевской премии. Наибольшей популярностью пользуется его комедия «Пигмалион» (1912).

Пролог



1919 год

Дневники за семьдесят пять лет лежат на кровати, почти закрывая собой одеяло, сшитое для меня прошлой зимой Раши. Все они раскрыты и похожи на старых мотыльков, слишком уставших от жизни, чтобы взлететь. В восемьдесят пять лет мне уже трудно читать то, что написано моей рукой, но я так часто перечитывала эти строчки в прошлом, что они впечатались в мою память. Они словно узор на черно-оранжевых крыльях бабочек.

Я взяла лежавший на столе конверт и принесла его к себе в постель. Я уже почти закончила писать. Письмо адресовано мисс Пеннивелл. Я очень гордилась тем, что не забыла обратиться к ней «мисс», а не «миссис». Именно эта внимательность к мелочам спасла мне жизнь, когда ее соотечественники прибыли в мою страну с намерением превратить Индию в маленькую Англию с экзотическими женщинами и чаем масала¹. Но если мисс Пеннивелл не ошибается и англичане прочтут рассказ старой женщины, все, возможно, со временем изменится к лучшему.

Когда я была маленькой, я жила в небольшом княжестве Джханси, находящемся под властью махараджи Гангадара и его супруги — рани Лакшми. Сейчас я живу в огромной стране, чьи границы тянутся от Бирмы до Кашмира². Вместо махараджи теперь нами правит иностранный император, сын королевы Виктории, король Эдвард VII. На том месте, где прежде в небо

¹ Чай масала — черный чай с добавлением кардамона, корицы, имбиря, звездчатого аниса, зерен перца и гвоздики.

² Кашмир — исторически бывшее княжество в Гималаях, ныне спорная область между Индией и Пакистаном. В 1919 году весь Пакистан также считался Индией и являлся частью Британской империи, поэтому Кашмир не был приграничным владением британской короны.

вздымались ступы¹, заключающие в себе образ нашего принца Сиддхартхи, впоследствии ставшего Буддой, теперь на высоких шпилях английских церквей виднеются кресты. Да, я очень стара. Никто не может, дожив до моего возраста, не стать свидетелем больших изменений. Я выжила в кровавой войне между Индией и Англией и на протяжении почти целого столетия была свидетельницей того, как постепенно утрачиваются наши национальные традиции.

Есть древняя индийская пословица, которую я услышала от отца: «Vandar kyа jaane adark ka swaad». *Что обезьяна может знать о вкусе имбиря?* Думаю, эта пословица имеет отношение к англичанам. Они ничего не знают о людях, которыми правят. С какой стати мы должны верить, что они будут уважать наши храмы и наших богов? В лучшем случае они относятся к ним как к иностранной диковинке. В худшем считают языческим варварством, которое процветает в стране, давшей миру шахматы и цифру ноль.

Я еще раз взглянула на адрес, который мисс Пеннивелл дала мне два месяца назад.

Я стояла вместе с Раши на железнодорожном вокзале Бомбея, когда эта девушка стремительно подошла ко мне. Ее каблучки гулко стучали по каменному полу. В стране красных сари и шафранных дупатта вид этой молодой особы, одетой в серую юбку, подол которой доходил до лодыжек, и такую же серую шляпку, не вызывал сомнений: она была англичанкой.

— Извините, что потревожила вас, миссис Ратход. Вы ведь миссис Ратход?

Я с секунду колебалась, хотя британская администрация давно уже перестала выслеживать бунтовщиков.

— Да, — ответила я.

Она протянула мне руку. Меня обучали тому, как следует вести себя с англичанами. Она ждет, что я пожму ей руку.

¹ Ступа — буддийское архитектурно-скульптурное культовое сооружение, имеющее полусферические очертания. Преимущественно представлена в монолитной форме; менее распространены ступы, имеющие внутреннее помещение.

— Эмма Пеннивелл, — представилась девушка.

Я предположила, что имею дело с очередной репортершей, которую интересует, что же случилось с богатствами после смерти рани, но вместо этого она сказала:

— Шестьдесят пять лет назад мой дедушка сопровождал вас в Лондон. Его звали Уилкс. Ему бы хотелось снова с вами увидеться и поговорить.

Несколько секунд я размышляла над тем, что услышала, а затем отрицательно покачала головой.

— Извините, но то все осталось в другой жизни. — Взяв Раши за руку, я направилась к поезду. — Я родилась в другой Индии.

— Именно поэтому я к вам и обратилась. — Заметив мое равнодушие, девушка заговорила напористее: — Мой дед — издатель. Его интересуют воспоминания людей, живущих в колониях. Он хотел бы опубликовать историю вашей жизни. Я знаю, что у вас поезд...

Я остановилась и попыталась объяснить девушке, что в моем прошлом хватает такого, о чем у меня нет ни малейшего желания вспоминать, но мисс Пеннивелл даже не потрудилась взглянуть шокированной.

— Все мы порой совершаем такое, о чем предпочли бы забыть, но упускаем из виду, что, лишь пролив на случившееся свет, мы в состоянии избавиться от терзающих нас демонов.

Я рассмеялась. Мисс Пеннивелл не могла быть старше двадцати двух лет. Что она вообще может знать о демонах?

— Мисс Пеннивелл, я не вижу смысла в подобного рода воспоминаниях.

— Разве вам не жаль того, как британцы изменили вашу страну?

— Кое-что изменилось в лучшую сторону, — сказала я, надеясь побыстрее закончить нашу беседу, — например, этот вокзал. Без англичан его бы ни за что не построили.

— А как насчет разрушенных храмов?

Я постаралась сохранить бесстрастное выражение на лице. Не следует ей знать, как часто я об этом размышляю.

— Пожалуйста, подумайте о моем предложении, — сказала девушка, протягивая мне визитку. — Ваш рассказ может убедить британцев в том, что индийские традиции уникальны. Возможно, сам король Англии прочтет ваши мемуары и решит, что ваша рани была права, что она не была мятежной королевой, как называют ее в Англии, а истинной королевой, которая взяла в руки меч, чтобы защитить свой народ от строителей империи. В этом она была похожа на вас, миссис Ратход.

Я понимала, что девушка хочет поймать меня на наживку, но приняла у нее из рук визитную карточку. После двух месяцев переписки мисс Пеннивелл удалось переубедить меня.

Раши говорит, что я очень храбрая, если осмелилась написать о прошлом, но мне кажется, что в душе она считает меня глупой. В конце концов, мои воспоминания совсем не похожи на распахнутые двери, ведущие в дом другого человека, скорее они подобны выбитым окнам, а хозяйка пытается объяснить всем желающим, какой ущерб был нанесен. Я прекрасно осознаю это обстоятельство. Я пишу не только ради себя, но и ради Индии.

В доме витают ароматы гарам масала¹ и кориандра. Раши занимается в кухне стряпней. Я, пожалуй, начну писать прямо сейчас, пока утренняя прохлада не сменилась дневным зноем, когда единственное, чего хочешь, — это вздремнуть. Но я продолжаю смотреть на моих друзей, обтянутых старой кожей, такой же морщинистой и знакомой, как кожа моих собственных рук. Когда я закончу писать воспоминания, я избавлюсь от дневников. Я понесу их к Гангу во время васанта наваратри², когда все пускают свои старые календари плыть по течению реки. Пускай богиня реки решает, правильно ли я поступила, должно ли то, что случилось с моей сестрой и самой храброй из княгинь Индии, по-прежнему камнем лежать на моем старушечьем сердце.

¹ Гарам масала — смесь специй, используемая в североиндийской кухне.

² Васанта наваратри — весенний праздник в честь богини Дурги.

Старательно выводя буквы, я написала адрес:

*Мисс Эмме Пеннивелл
«Раутледж-энд-Кеган Пол Паблишерс»,
Лондон, Англия*

Затем я некоторое время смотрела на кремово-красный конверт. Он большой. Он и должен быть таким, если я хочу запихнуть в его жадно раскрытый рот все обстоятельства моей жизни, чтобы он проглотил все те воспоминания, которые, как считает мисс Пеннивелл, могут помочь королю Англии править нашей страной лучше, чем делала его матушка. Кто знает? Если два брата из Америки построили машину, которая может летать в небе¹, почему бы деревенской старушке не написать книгу, которая попадет в руки к королю?

¹ Братья Уилбур и Орвилл Райт — два американца, за которыми признается приоритет изобретения и постройки первого в мире самолета, способного к полету, а также совершение первого управляемого полета на аппарате тяжелее воздуха с двигателем 17 декабря 1903 года.

Глава 1



1840 год

Представьте, как я веду вас по длинной грунтовой дороге к краю поля, как мы входим в крестьянскую хижину, построенную из саманных кирпичей и крытую тростником.

— Вот здесь я остановилась вместе с рани княжества Джханси, когда мы убегали от британцев, — говорю я вам. — А в этом углу мы переоделись в крестьянскую одежду, чтобы она смогла беспрепятственно добраться до крепости Калпи.

Думаю, вы переведете взгляд с моего богатого сари и тонких золотых украшений на земляной пол единственного помещения и рассмеетесь. Но только взгляд моих глаз останется серьезным, и вскоре вы поймете, что я не шучу, что все, услышанное вами, — правда: рани Джханси, которую британцы предпочитали называть королевой Лакшми, на самом деле бежала от сильной британской армии, переодевшись в крестьянку.

Не понимаю, что в этом такого удивительного. Разве Одиссею это не удалось, когда он переоделся нищим?¹ А у герцога Винченцио из «*Меры за меру*» разве не вышло?² Возможно, люди дивятся тому, что именно я подсказала рани эту хитрость, вспомнив о кое-каких похождениях героев прочитанных мною книг. Если уж начистоту, то мне не полагалось читать подобного рода литературу, мне вообще не полагалось уметь читать. Однако отец настоял на том, чтобы я получила образование. Если бы это дело оставили на усмотрение моей бабушки, то я бы ничего в жизни не увидела, кроме стен нашего дома. На-

¹ В поэме Гомера Одиссей после многолетнего отсутствия переодевается в нищего и незнанным проникает в свой собственный дом.

² В этой пьесе Шекспира герцог, скрываясь под личиной монаха, наблюдает за недостойным поведением человека, которого оставил в свое «отсутствие» править Веной.

деюсь, вам известно, что законы пурды довлеют над женщинами Индии.

Когда мне исполнилось семь лет, я спросила отца, откуда берет свое начало эта традиция — держать женщин в затворничестве. Наш сад был достаточно просторным, чтобы в нем росла священная фига. Еще минуло немало лет, прежде чем я узнала, что далеко не все сады и дома в Барва-Сагаре такие просторные. Но мы относились к варне кшатриев¹, то есть наши предки были в родстве с раджами, как и их предки. Так тянулось с начала времен. Меня часто просили объяснить, что представляет собой кастовая система. Я всегда объясняла просто... Представьте себе улей. Есть рабочие пчелы, есть трутни, а есть пчелиная матка. Наши касты построены похожим образом. Есть брамины, выполняющие у нас функции священников. Есть кшатрии, которые являются воинами и раджами. Есть вайши, из которых выходят торговцы, крестьяне и ремесленники. А есть шудры, чей удел — прислуживать и прибирать за остальными. Как рабочая пчела рождается, чтобы работать и умереть рабочей пчелой, так и люди не могут изменить принадлежность к той или иной варне².

В тот вечер, пока заходящее солнце поджигало облака над нами, превращая небо в оранжевый океан, отец объяснил мне суть пурды. Он похлопал себя по колену. Когда я забралась к нему на колени, то увидела, как бугрятся мускулы под кожей его рук, твердые, словно камни. Я вытянула перед собой раскрытую ладошку, и отец принялся водить по ней пальцем.

«Ты помнишь историю первого Великого Могола в Индии?» — «написал» он вопрос.

«Он был мусульманином, а мы индуисты».

¹ Варна — термин, обозначающий четыре основных сословия индийского общества до британской эмансипации: 1) брахманы (брамины) — жрецы и ученые; 2) кшатрии — воины и правители; 3) вайши — крестьяне, ремесленники и торговцы; 4) шудры — слуги и батраки.

² Каста являлась более мелким делением среди варн на основании родства, землячества либо религии. В отличие от варны переход в другую касту был возможен, хотя очень редок и затруднен.

«Да. Именно он принес пурду на нашу землю».

«Значит, это вина императора Бабура¹ в том, что я не могу покинуть пределы нашего дома?»

Рука отца напряглась, и я сразу же поняла, что «написала» не то.

«Пурда — ничья вина, — быстро вывел его палец. — Закон нужен, чтобы защитить женщин».

«От кого?»

«От мужчин, которые могут их обидеть».

Я сидела тихо-тихо. Какую судьбу приготовил мне папа? Неужели мне никогда не узнать, что лежит за каменной оградой нашего внутреннего двора? Я ощущала, как внутри меня растет сильнейшее раздражение.

«Ладно, — продолжил отец. — Что тебя тревожит, маленькая пава?»

Конечно, папа не писал слово «ладно». Это мое добавление. Просто я воображала себе, что он мог бы так выразиться, если бы не потерял слух, воюя на стороне британцев против бирманцев. Вас, возможно, удивит то, что британцы вообще появились в Индии и что кто-то из нас воевал с бирманцами. Началось все в 1600 году, когда английские моряки впервые приплыли в мою страну. Вы когда-нибудь слышали притчу о носе верблюда? Однажды холодной зимней ночью верблюд уговорил хозяина разрешить засунуть свой нос погреться за полог шатра. Британская Ост-Индская компания действовала похожим образом.

Сначала это была всего лишь торговая компания, покупавшая наши специи и шелка, а затем доставлявшая все это морем в Англию. На этой торговле наживались состояния. По мере роста компании уже требовалось несколько сотен вооруженных охранников, чтобы защитить склады с ценным грузом. Со временем место сотен заняли тысячи вооруженных солдат. Наступил день, и правители Индии, проснувшись, обнаружили,

¹ Захир ад-Дин Мухаммад Бабур (1483—1530) — тимуридский правитель Индии и Афганистана, полководец, основатель империи Великих Моголов, известен также как поэт и прозаик.

что у Британской Ост-Индской компании есть своя сильная армия. Британцы уподобились тому верблюду, который сначала обещал ограничиться носом, затем ногами, потом спиной, а кончилось тем, что в шатре остался верблюд, а хозяин был вынужден дрожать на холоде снаружи.

Вскоре, когда одному из правителей потребовалась военная помощь, он просил ее не у других махараджей, а у Британской Ост-Индской компании. Чем чаще компания оказывала услуги махараджам, тем сильнее она становилась. Затем в 1824 году несколько махараджей на севере Индии решили, что с них хватит. Они видели, как бирманцы год за годом планомерно завоевывают соседние княжества, действуя так же, как тот хитрый верблюд из истории. Уже давно стало понятно, что они не остановятся, пока их правители не усядутся на тронах этих махараджей. Я не знаю, почему они не поняли, что та же самая притча о носе верблюда относится и к британцам. Вы можете решить, что безопаснее всего было бы объединиться или обратиться за помощью к соседу, но никто из этих могущественных государей не хотел стать должником соседа-махараджи. Вместо этого они предпочли стать должниками чужаков. Они обратились за помощью к Ост-Индской компании, а британцы и сами собирались идти войной на Бирму, исходя из собственных, главным образом экономических целей.

Отец воевал на той войне. Из-за принадлежности к варне кшатриев он получил офицерский патент¹, и компания платила ему сто рупий в месяц. Мне исполнилось всего лишь несколько месяцев, когда папа уехал воевать в Бирму. Имелись все основания верить в то, что Нихала Бхосале ожидает блестящее будущее. Он присылал моей шестнадцатилетней матери письма с войны. Отец писал, что общение с иностранцами имеет свои преимущества, хотя понять обычаи британцев непросто. Он научился разговаривать по-английски, а один офицер познакомил

¹ Офицерский патент — документ, дающий право занимать командную должность в странах Европы. Первые офицерские патенты стали выдавать в эпоху Возрождения.

его с творчеством непревзойденного писателя Уильяма Шекспира.

«Полковник говорил, что, если я хочу понять британцев, я должен сначала понять Шекспира».

Папа серьезно отнесся к его совету. Он прочитал все, что написал Шекспир, начиная с «Отелло» и заканчивая «Венецианским купцом». Когда через два года отец потерял на войне слух и лежал на койке в госпитале, Шекспир составлял ему компанию.

Много лет спустя я спросила у папы, какая из пьес лучше всего утешала его, пока он свыкался с миром, лишенным звуков, с миром, где ему не суждено услышать голоса дочери и пения жены, исполняющей *рагу*¹ в честь Шивы. К тому времени я и сама стала солдатом в дурга-дале, элитном отряде самых преданных телохранительниц рани, и прочитала все произведения Шекспира.

Отец немного подумал и после паузы сказал мне то, о чем я и сама догадывалась: «Среди всего написанного “*Генрих V*”² наилучшим образом выражает причины того, почему мы боремся».

Но я совсем не думала о войне в тот вечер, когда отец объяснял мне смысл пурды. Я тогда была совсем маленькой, чтобы понимать что-то в политике. Я всего лишь знала о том, что мне нельзя играть снаружи, как мальчикам, нельзя пить кокосовое молоко из мохнатых орехов и устраивать потешные бои, размахивая отломанными побегами бамбука. Я подняла глаза и посмотрела на папу. Его лысая голова отсвечивала на солнце, словно натертое до блеска блюдо.

«Я всегда буду под властью пурды, даже когда вырасту?» — написала я вопрос.

«Да, так же, как и твоя мама».

¹ Рага — музыкально-эстетическая и этическая концепция, закон построения крупной музыкальной формы в рамках индийской классической музыки, мелодия.

² «Генрих V» — историческая пьеса Шекспира о походе короля Генриха V во Францию во время Столетней войны; отличается патриотизмом.

Иногда ворона строит себе гнездо на дереве, а затем прилетает воробей и все разрушает. Планы отца на дальнейшее течение моей жизни пошли прахом вследствие вмешательства одной маленькой птички.

Глава 2

Тогда стоял муссон, летний сезон дождей. Скоро у меня должен был появиться брат или сестра. Теплые струи хлестали по деревне, заливая поля и улицы. Даже дети крестьян, привыкшие к дождю, ходили, покрыв головы листьями *таро*. Я видела, как мальчишки используют их вместо зонтиков, и думала о том, как должно быть, забавно укрываться под таким живым навесом. Весь Барва-Сагар подвергся нашествию ливней, и я представляла себе, что каждая капля — это крошечный солдат, марширующий с неба на наши поля.

— Что ты делаешь? — спросила бабушка, когда увидела, что я стою у окна, наблюдая за дождем.

Мне сейчас полагалась быть на кухне и следить за огнем.

— Вода еще не нагрелась, дади-джи. Я лишь...

Она отвесила мне пощечину.

— Разве ты не знаешь, что происходит в доме?

— Мама рождает.

Я закусила дрожащую губу, чтобы не выдать своего волнения. Джи — это признак уважения. Мы добавляем его к имени всякого, кто старше нас.

— Сейчас я кое-что расскажу тебе о родах, *бети*, чего ты не можешь узнать из книжек, которые читает с тобой мой сын.

Бабушка не понимала, зачем отцу терять время на то, чтобы обучать дочь. Британцы принесли с собой также и перемены к лучшему. Например, они запретили убивать новорожденных девочек. В то время, когда я родилась, убийство новорожденных девочек еще было довольно распространенным явлением.

Теперь вы имеете представление, как относились к таким, как я. Даже сейчас рождение сына отмечают танцами под музыку, а бедным раздают сласти. После рождения дочери в доме царит тяжелая, словно одеяло, тишина. Никто не радуется. Нет повода радоваться. Все стараются помалкивать. Какой смысл радоваться рождению той, которую надо кормить, одевать и учить лишь для того, чтобы с ее замужеством весь труд и деньги уплыли из дома?

Нельзя сказать, что дочерей никто не любит, но после рождения дочери отец вынужден сразу же начинать копить деньги, ибо лет через девять-десять ей понадобится приданое. Матери же приходится свыкаться с мыслью, что после того, как будущий муж увезет их дочь в свою деревню, она рискует больше никогда не увидеть ее.

Я подозреваю, что после моего рождения бабушка предложила воспользоваться опиумом. Так чаще всего избавлялись от ненужной обузы. А когда соседи спрашивали, что случилось с новорожденной, чьи крики они слышали прошлой ночью, им отвечали, что ее забрали волки. Когда я была маленькой, многих новорожденных девочек в Барва-Сагаре «забрали волки». Пожалуй, не одно животное должно было бы умереть за это время от хронического переедания.

Когда бабушка сказала мне: «Сейчас я кое-что расскажу тебе о родах, *бетти*», — то это было сделано не из желания расширить мой кругозор. Бабка хотела лишь напомнить, сколько неприятностей я, бесполезная девчонка, в свое время принесла матери. Свет, льющийся из окна, подчеркивал высокие скулы, длинный нос и тонкую шею бабки. Мне она напоминала птицу, которую я видела на озере позади крепости Барва-Сагар. Папа сказал мне, что это лебедь. Лебеди умеют плавать, не замочив своих перьев. Именно так бабушка поступала всю свою жизнь: плыла по дому, ко всему равнодушная. Ее не трогали ни мои слезы, ни крики моей мамы, доносившиеся из дальней комнаты дома.

— Родить ребенка — тяжкий труд. Опаснее путешествия ни одна из женщин в своей жизни не предпринимает, — начала бабка. — Твоя мать там с повитухой, но лучше бы за нее

сейчас молился жрец. Я сама рожала два дня. Ты знаешь, что это значит?

Это не было вопросом. Просто полагалось отрицательно покачать головой, что я и сделала.

— Два дня я ничего не ела и не пила. Двери и ставни на окнах были закрыты. Я страдала, словно животное, пока мне не стало казаться, что даже богиня Шешти¹ меня покинула.

Я поняла, что бабушка говорит правду. Я видела, как пришла повитуха. Я слышала, как она приказывала не впускать в комнату с роженицей ни солнечного света, ни свежего воздуха. Когда я подумала о маме, на мои глаза навернулись слезы.

— Ты меня слушаешь? — властно спросила бабушка.

— Да, дади-джи. А как же вода?

Она тоже взглянула на горшок.

— Чего ты здесь стоишь? Быстрее неси!

Я сняла горшок с кипящей водой с раскаленных камней и последовала за бабушкой по проходу. Полы в доме были сложены из саманных кирпичей, а стены побелены известью. Красивым дом назвать было нельзя, но в нем имелось несколько комнат, и мы никогда не испытывали недостатка в пище.

Бабушка громко постучала в дверь. На пороге возникла фигура повитухи. Я мельком увидела маму. Тело ее покрывал пот. Казалось, что она сейчас лежит под дождем, капли которого попадают только на нее, оставляя все вокруг сухим.

— Воду, — коротко сказала повитуха.

Я протянула горшок, надеясь, что старуха скажет что-нибудь о состоянии мамы, но та лишь забрала его и захлопнула дверь. Наверное, с моей стороны называть повитуху старухой было не особенно вежливо. Она была примерно одного с бабушкой возраста, но они разительно отличались. Это все равно что сравнивать льва и кошку. Лицо повитухи было круглым и мягким. Глубокие морщины струились из уголков ее глаз и рта. Бабушкино лицо, обтянутое кожей, было угловатым. Тетя

¹ Шешти — богиня-покровительница родов, чья опека гарантирует рождение мальчиков.

однажды сказала, что я унаследовала все эти бабушкины углы на своем собственном лице.

— Это похвала, Сита, — сказала мне тетя. — Не дуйся. Остро-та черт дади-джи делает ее настоящей красавицей. Она красива даже в шестьдесят три года. У тебя такое же красивое лицо.

Мы немного постояли, вслушиваясь в мамины крики за дверью, а потом бабушка строго произнесла:

— Ступай и скажи отцу, чтобы привел твою тетку.

Папина мастерская была моим любимым местом в доме. Четыре ее окна выходили на оживленную улицу, а потолок был таким же высоким, как наша священная фи́га. Когда я приблизилась, то услышала *сабдживаллу*¹, который толкал перед собой тележку, груженную овощами с соседних полей, и выкрикивал: «Лук, томаты, огурцы, окра²!..» Если бы мама сейчас не рожала, то она, подозвав сабдживаллу, принялась бы торговаться, сокрытая от его взгляда деревянной решеткой окна. Так она бы не нарушила запреты пурды.

Папа сидел, повернувшись спиной к двери. Пол вокруг него был покрыт древесной стружкой, похожей на очистки апельсин-ов. Комнату заполнял запах тикового дерева. Когда отец вырезал изображение божества, в воздухе витал еще и аромат благовоний. Всякий раз, работая над ликом бога, папа оставлял тлеть на домашнем алтаре палочку сандалового дерева, а затем расстилал на земле длинную джутовую циновку, на которой и работал. А когда кто-нибудь заказывал ему оружие, в мастерской пахло лишь деревом и землей.

Я медленно подошла к нему. Папа не любил неожиданно-стей. Думаю, все, кто потерял слух, этого не любят.

— Пита-джи, — произнесла я, стоя перед отцом.

Он окинул взглядом мое лицо, ища на нем следы горя, но, не найдя, расслабился. Отложив в сторону лук, над которым он сейчас работал, папа протянул мне ладонь.

¹ Сабдживалла — зеленщик.

² Окра, или бамия, — однолетнее травянистое растение, плоды которого пригодны в пищу.

«Бабушка велела привести Эшу-Маси», — вывела я пальчиком на его мозолистой ладони.

«Сейчас?»

Я кивнула.

Он поднялся на ноги, и стружки полетели с его дхоти, словно маленькие коричневокрылые мотыльки. Я слышала, что англичане называют дхоти килтом. Верно, они похожи, но в отличие от килта дхоти белый и его носят без рубашки. Папа вышел, чтобы переодеться в шаровары и длинную хлопчатобумажную рубашку, которую называют у нас *курта*. Когда он вернулся, то застал меня разглядывающей незаконченный лук.

— Бартха, — вслух произнес отец.

Значит, лук заказал ему наш сосед Партха. Когда отец торопился, он начинал говорить. Вот только после потери слуха он часто путал звуки и, например, вместо «п» произносил «б». Впрочем, я его речь понимала. Я смотрела на лук. Если бы я была мальчиком, то папа сделал бы мне такой же. Слезы наполнили мне глаза.

«Боишься?» — «написал» он.

«Что, если девочка?»

«Тогда я буду дважды благословенным».

До дома моей тети и обратно было минут двадцать ходу. Она жила на другом конце деревни в доме своего мужа. У нее было два сына. Я смотрела через деревянную решетку окна, как безжалостный ливень косыми потоками обрушивается на улицы и поле соседа. Даже буйволы, казалось, жалели себя, укрывшись под деревьями. Хвосты их, висевшие между ног, были похожи на мокрые веревки.

Тетю принесли в паланкине носильщики и поставили его на землю у нас во внутреннем дворике. Лишь после этого отодвинули шторы, завешивающие выход из кузова. Как только тетя ступила на землю, она тотчас же обернула голову и нижнюю часть лица шарфом, чтобы носильщики ее не видели.

— Где дади-джи? — спросила у меня тетя после того, как я с ней поздоровалась.

Я тогда подумала, что она очень похожа на маму: тонкие кости и тонкие губы. Всякий, кто увидит их сидящими в одной комнате, поймет, что перед ним две сестры.

— Повитухе понадобилась помощь бабушки, — ответила я. — Она сказала, чтобы я осталась здесь и ждала вас.

— Ничего плохого ведь не случилось? — прошептала она.

Тете не стоило переходить на шепот. Папа все равно не мог ее слышать, но люди часто об этом забывали.

— Нет.

Тетя поспешила по коридорчику. После двух стуков в дверь та открылась и затворилась за ней.

Учитывая, сколько людей сейчас собралось под крышей нашего дома, здесь должно было бы царить веселье, но вместо радости я ощущала, как во мне растет тревога, подобно тому, как человек заблаговременно ощущает приближение лихорадки. Папа, наверное, чувствовал то же самое. Я видела, как он тихо удалился к себе в мастерскую, хотя, как я подозревала, работа его сейчас ничуть не интересовала.

Я осталась стоять в коридорчике. Я наблюдала за тем, как наша служанка Авани наливает горчичное масло в каждый из медных светильников, стоящих в небольших нишах в стенах коридора. Затем она зажгла их. Может показаться странным, что наша семья, богатством отнюдь не славившаяся, могла позволить себе нанять служанку, но в те времена, как и сейчас, это не было редкостью. Если семья не принадлежит к самой низшей касте, она нанимает кого-нибудь помогать в стирке и уборке. Чем богаче семья, тем больше служанок она нанимает. Мы могли позволить себе только одну.

Как и большинство девочек, наша Авани вышла замуж, когда ей было десять лет. В этом возрасте девочки достаточно маленькие, чтобы свекрови могли лепить из них все, что им заблагорассудится. Муж Авани был на пятнадцать лет старше нее. Будучи человеком добрым, он позволил Авани оставаться жить в своей семье до тех пор, пока она не достигнет детородного возраста. Однако по прошествии трех лет после того, как девочка переехала жить в дом своего свекра, муж внезапно заболел и умер.

До сих пор в Индии, несмотря на правление британцев, еще не искоренена страшная традиция, называемая *сати*. Я бы могла сказать, что эта традиция имеет отношение к богине Сати, которая, сложив погребальный костер, совершила самосожжение ради своего мужа Шивы, после чего реинкарнировалась и стала его второй женой Парвати. Впрочем, это ничего не объясняет. Дело не в богине Сати, дело в ненужности женщин. Каждый день в каждом городе Индии женщина всходила по ступенькам на погребальный костер своего мужа. Отказ совершить сати, сгорев в огне, бросал тень бесчестья не только на ее собственную семью, но, что еще хуже, на дом свекра.

Для того времени было большой редкостью, чтобы и свекор, и отец женщины высказались против сати. Но в случае с Авани произошло именно так. Конечно, отныне она больше не могла выйти замуж, все радости брака теперь стали для нее недоступны, но по крайней мере молодая женщина осталась жива.

Не сказать, чтобы она совсем избежала своей жестокой участи.

Много лет спустя я узнала от отца, что ни одна из семей в Барва-Сагаре, за исключением нашей, не согласилась принять Авани к себе в услужение. Это был единственный случай, когда бабушка проявила великодушие. Скорее всего, это объяснялось тем, что в свое время, когда бабушка овдовела, ее тоже спасли от пламени погребального костра. Куда идти женщине, которую отказывается принять обратно собственная семья? Где ей найти работу, если никто не нанимает ее в услужение?

Тогда я еще не знала ответов на эти вопросы. Помню, как я стояла и любовалась работой Авани. Ее темная коса моталась из стороны в сторону, пока она зажигала светильники. Янтарный отсвет огоньков играл на ее коже. Авани была очень женственной, и мне казалось, что я никогда не стану такой. К тому же она была опытной женщиной, и ее опыт виделся мне, ребенку, недостижимо далеким.

— Думаете, еще долго? — спросила я.

Авани опустила руку с зажатым в ней кувшинчиком, наполненным горчичным маслом. На ее лице застыло задумчивое выражение.

— Не знаю. У меня нет детей.

Мне следовало молча кивнуть и удалиться к себе в комнату, но я была обычной девятилетней девочкой и порой вела себя крайне беспечно.

— Почему? Дади-джи говорит, что все женщины хотят детей.

Уголки ее рта опустились.

— К сожалению, мой муж скончался шесть лет назад.

На Авани было надето такое же белое сари вдовы, как и на бабушке, но до этого мне не приходило на ум, что для того, чтобы иметь детей, надо сперва обзавестись мужем.

Заметив мое смущение, Авани пересекла коридор и взяла мою ручку в свою ладонь.

— Не волнуйся. Вскоре все закончится.

В золотистом сиянии светильников она стала похожа на Лакшми, богиню богатства и красоты.

Но крики мамы не смолкали в течение двух дней. На вторую ночь тетя возвратилась к себе домой, подчинившись воле своего супруга. Он решил, что жена и так у нас задержалась.

— Сита, — обратилась ко мне тетя, стоя на пороге перед тем, как покинуть наш дом.

Голос ее был таким же низким, как грозовые тучи, ползущие по небу.

— Береги маму. Делай то, что говорит повитуха. Не задавай лишних вопросов.

— Эша-Маси, а вы не можете остаться еще на одну ночь?

— Извини, Сита.

Ее глаза наполнились слезами. Она не хотела покидать нас.

— Если я смогу, то приду в гости на следующей неделе.

Отец шел рядом с ее паланкином. Он проводил Эшу-Маси до дома ее мужа, стоявшего на противоположном конце Барва-Сагара. Я смотрела им вслед. Когда паланкин скрылся из виду, я почувствовала, что позади меня стоит бабушка. Так человек ощущает присутствие животного, от которого исходит угроза. Она схватила меня за плечо.

— Ступай в комнату матери и не выходи оттуда, пока она не родит.

Если бы бабушка приказала мне сделать что-нибудь другое, что угодно, но другое, я бы с радостью подчинилась, но от мысли, что придется идти в темную душную комнату, у меня перехватило дыхание и защемило в груди.

— А если что-то случится, вы придете, дади-джи?

Лицо бабушки, словно вырезанное из тика, оставалось невозмутимым. Я однажды «сказала» об этом отцу. Вместо того чтобы отчитать меня, он рассмеялся. Потом я «заявила» ему, что мамино лицо сделано из кедра. Эта древесина мягче, и по ней легче работать резцу. Его же лицо — кипарисовое. Папа немного растерялся. Он знал, что я не могла видеть кипарисовое дерево. Я напомнила ему, что Грумио из «Укрощения строптивой» у Шекспира говорит, что хранит свои самые дорогие вещи в сундуках из кипариса.

«Ты самая большая моя ценность».

Отец выглядел озадаченным, словно то, что я ему сообщила, было верхом оригинальности.

На следующий день после нашего «разговора» я нашла у себя на кровати книгу. Она, должно быть, стоила немалых денег. На кожаном переплете я увидела тисненое изображение Сарасвати, нашей богини искусств. Страницы были тщательно разрезаны и оказались совершенно чистыми.

«Конечно, они пустые, Сита. Они твои».

В уголках папиных глаз лучились морщинки. Ему с трудом удавалось не расхохотаться.

Я не понимала.

«Чтобы записывать свои мысли. В Англии это зовется дневником, — чертил он пальцем у меня на ладони. — Ты очень умная девочка».

Я бы меньше удивилась, если бы отец подарил мне слона и сказал, что я должна его дрессировать.

«Возможно, никто, кроме твоих детей, не сможет прочесть этого, — продолжил «писать» отец, — но ты *калакар*, Сита».

На хинди это значит «человек искусства». Это была самая большая похвала, которую я слышала из уст отца.

Я вспомнила эти слова, когда шла по коридору к спальне матери. Но какой прок быть *калакаром*? У меня нет настоящего ремесла, как у повитухи или отца. Я постучала в дверь. Даже перед ней, казалось, нос улавливал запах пота.

— А где твоя бабушка? — отворив дверь, спросила повитуха.

— Она сказала, чтобы я отсюда не выходила до тех пор, пока мама не родит.

Морщины на лбу старухи как будто стали резче, но она ничего не ответила на мои слова. Я закрыла за собой дверь и приблизилась к чарпае, деревянной кровати, состоящей из рамы, на которую натянуты веревки. Мама посмотрела на меня, и я протянула ей руку, но у нее не хватило сил сжать мои пальцы.

— Сита, — тихо произнесла мама.

Ее красивое лицо было искажено от боли. Белая простыня, которой она была укрыта, липла к мокрой коже.

— Дитя не хочет выходить. Где твоя бабушка?

Повитуха бросила на меня строгий взгляд, давая понять, чтобы я помалкивала, она и сама справится.

— Пошла молиться, — ответила старуха. — Тужьтесь.

Мамина коса лежала на подушке, словно длинная черная змея, свернувшаяся кольцами на кровати и собирающаяся задушить маму своим телом. Я стояла у кровати и выполняла то, что приказывала мне повитуха. Когда требовалась горячая вода, я ее подносила. Когда надо было помочь натереть мамин живот маслом энотеры, я помогала.

Когда мамино дыхание затруднилось, повитуха повернулась ко мне и сказала:

— Приведи бабушку.

Я стояла в нерешительности.

— Быстро! — велела повитуха. — Дитя без помощи лекаря на свет не родится.

Развернувшись, я побежала в молельную комнату для совершения *пуджи*, где стоял алтарь и статуи богов. Я думала за-

Благодарности



Эта книга никогда бы не была написана без помощи и поддержки моего замечательного мужа Амита Кушваха. Без него я бы не натолкнулась на историю жизни рани Лакшми Баи. Я также в долгу перед Хизер Лазаре, которая первой приобрела права на эту книгу для «Simon & Schuster», и перед Дэном Лазаром, выступившим посредником. Благодарю редактора Салли Ким, которая работала вместе со мной над романом. Ты просто замечательная! Что за счастливый день, когда мы познакомились! Выражаю свою признательность семье Кушваха, которые служили моими проводниками по Индии, не только по Джханси, но по Гвалиору и другим местам, связанным с жизнью и войнами, в которых участвовала рани. Большое вам спасибо. Спешу выказать свою благодарность фантастической команде из «Simon & Schuster», в особенности Шерлин Ли и Мелиссе Випперман-Коэн, директору по маркетингу, публицисту и редактору-корректору. Я многим вам обязана. Большое спасибо моей семье и друзьям, которые всегда поддерживали меня в моих писательских стремлениях: Моранам, Кушвахам, Боллингерам, Портерам, Карпендерам, Индигам и Авилдсенам. Благодарю Тину Монкада, чья нежная забота и привязанность к Лиаму высвободила его маме время, чтобы она могла закончить эту книгу. Под конец выражаю свою глубочайшую благодарность Элисон Мак-Кейб, которая правила первую редакцию этой книги и чье острое чувство юмора освежило мой текст.

Літературно-художнє видання

МОРАН Мішель
Остання принцеса Індії

Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Координатор проекту *Т. М. Куксова*
Відповідальний за випуск *М. І. Коміна*
Редактор *С. М. Губська*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *А. Г. Верьовкін*
Коректор *Л. О. Шабельська*

Підписано до друку 01.06.2016. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Арно Про». Ум. друк. арк. 18,48. Наклад 8000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а, E-mail: sor@bookclub.ua

Відрудковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика "Глобус"»
61012, м. Харків, вул. Різдявня, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

МОРАН Мишель
Последняя принцесса Индии

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Координатор проекта *Т. Н. Куксова*
Ответственный за выпуск *М. И. Комина*
Редактор *С. М. Губская*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *А. Г. Веревкин*
Корректор *Л. О. Шабельская*

Подписано в печать 01.09.2016. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Арно Про». Усл. печ. л. 18,48. Тираж 8000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а, E-mail: sor@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика "Глобус"»
61012, г. Харьков, ул. Рождественская, 11
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду



Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов, художников, переводчиков и редакторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

В Індії, країні незліченних скарбів і прянощів, жорстокий звичай велить позбавитися новонароджених дівчаток — зайвого тагяря. Але проста сільська красуня Сіта, яка влітає в коси квіти жасмину, і юна принцеса Лакшмі Баї, змалечку вихована справедливо й мудро правити своїм народом, житимуть у віках! Коли під чоботом британської армії одне за іншим занепадатимуть вільні князівства, Сіта стане відважним воїном-охоронцем своєї принцеси, а Лакшмі, очоливши повстання сипаїв, перетвориться на справжню бунтівну королеву.

Моран М.

М79 Последняя принцесса Индии : роман / Мишель Моран ; пер. с англ. О. Буйвола. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»», 2016. — 352 с.

ISBN 978-617-12-1541-2 (Украина)

ISBN 978-5-9910-3718-1 (Россия)

ISBN 978-1-4767-1635-0 (англ.)

В Індії, стране несметных сокровищ и пряностей, жестокий обычай велит избавляться от новорожденных девочек — лишней обузы. Но простая сельская красавица Сита, влетающая в косы цветы жасмина, и юная принцесса Лакшми Баи, с детства воспитанная справедливо и мудро править своим народом, останутся в веках! Когда под сапогом британской армии одно за другим падут свободные княжества, Сита станет отважным воином-телохранителем своей принцессы, а Лакшми, возглавив восстание сипаев, превратится в настоящую мятежную королеву.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)